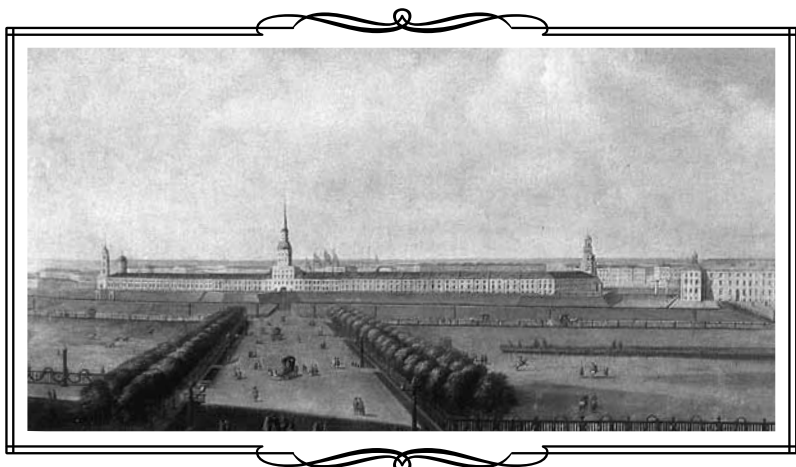

«И СВЕТЛА АДМИРАЛТЕЙСКАЯ ИГЛА...»

*Неизвестный художник по гравюре Г. А. Качалова с рисунка
М. И. Махаева 1748 г. Адмиралтейство со стороны
Невского проспекта. Вторая половина XVIII в.*

Итак, начало XVIII века, Петровская эпоха. Когда-то Лев Николаевич Толстой признавался, что, «распутывая поток» исторических событий, нашел именно в этой эпохе «начало всего». О том, что она — начало нашего города, писать не буду: это известно всем и не раз подробнейшим образом описано. Расскажу только о Невском проспекте и о его «особых отношениях» с основателем города. Был царь Петр непреклонен и, что греха таить, временами жесток не в меру. Так что мало кто решался идти против его воли. А вот Невский проспект (тогда он про-

спектом не был, а был всего-навсего дорогой, правда, Большой и Перспективной) осмелился воспротивиться воле самодержца: вместо того, чтобы послушно уступить главенство Васильевскому и Городовому островам, как замышлял император, стал главным, центральным кровеносным (а значит — жизненным) сосудом Петербурга.

Тому, кто видит в Невском проспекте, да и вообще в городе просто сумму зданий, где можно жить, развлекаться и покупать, покупать, покупать, речь о характере проспекта, непокорном, а то и просто вздорном, покажется бредом. А вот те, для кого и город, и проспект — живые... Те — поймут. Дело в том, что проспект и люди, на нем живущие или просто проходящие сюда, чтобы прикоснуться к прошлому своего города, от домов, дворцов, мостов Невского неотделимы. Люди одушевляют проспект, проспект — вдохновляет людей. И его процветание — это их процветание, его гибель — это их гибель. Это с поражающей очевидностью подтвердила война. Люди умирали, чтобы спасти свой город (и проспект — его сердце). Несколько лет назад уважаемый человек, участник войны заявил, что защищать Ленинград ценой жизни сотен тысяч людей было бесчеловечно, что все эти дома, дворцы, памятники — ничто по сравнению с человеческой жизнью, что нужно было сдать город и тем самым спасти его жителей. Что тогда было в Петербурге! Блокадники не могли ни понять, ни простить такого отношения к своему городу — к своей святыне. А еще — жалели тех, кто не чувствует: каждый дом, а не только архитектурный шедевр, не только дворец — это чей-то замысел, чья-то воплощенная мечта, чьи-то судьбы — хранилище памяти. Не защитить, пройти равнодушно — значит предать.

Я никогда не забуду рассказ старшего сына Леонида Александровича Говорова, командующего Ленинградским фронтом, того, кого ленинградцы весной сорок второго называли «генералом надежды» (маршалом он стал в 1944 году), кому город и его жители обязаны столь многим, что это требует подробного рассказа, способного увести очень далеко от основной темы книги. Так вот, Владимир Леонидович рассказывал, что отец, человек, по общему мнению, абсолютно бесстрашный, признавался,

что боится ехать в осажденный фашистами Ленинград. Это не был страх в привычном понимании слова. Это была невыносимая боль ожидания. Ожидания ужаса, который ему предстояло увидеть. Он ведь знал, что пережил Ленинград зимой 1941–1942-го... Он любил этот город, восхищался его красотой. И вот ему предстояло... По дороге с аэродрома в Смольный (беспартийный командующий фронтом должен был прежде всего явиться в обком партии) попросил провезти его по Невскому. И был потрясен: Невский, его любимый прекрасный Невский, был так же чист и ухожен, как до войны. А раны... Что ж. Их бережно прикрыли щитами. И он, никогда не задававший лишних вопросов, умевший владеть своими чувствами, не смог скрыть волнения: «Как это удалось? Кто это сделал?» Ему ответили: женщины, ленинградки, едва стоявшие на ногах от истощения и безмерной усталости. Это они убрали Невский, и не только Невский — весь город. Скальвали метровый лед, вывозили его на детских саночках, выкапывали из-под льда трупы. Они, отстоявшие город, возвращали ему достоинство — порядок и чистоту, так поражающую на Невском всех и всегда (начиная с петровских времен, когда в других районах молодой столицы грязь стояла непролазная). Они чистили главный проспект своего израненного города и... падали замертво, не выдержав непосильной работы. Мне кажется, что они, безымянные, не пережившие той страшной зимы, тоже здесь, на Невском, среди великих теней, его населяющих.

Когда Леонид Александрович говорил о весне сорок второго, о сияющем чистотой Невском, он, по словам Владимира Леонидовича, опускал взгляд или отворачивался — скрывал, что глаза наполняются слезами. Плакать он не умел... Сыну, генералу армии, в то время, когда он мне рассказывал об отце, — заместителю министра обороны огромной страны, тоже было не занимать умения владеть собой (положение обязывает), и все-таки, когда говорил об искалеченном, но не униженном городе и его главной улице, скрывать свои чувства мог с трудом. Для этих людей, как и для всех защищавших Ленинград и восстанавливавших свой город, он был не просто суммой зданий, в которых можно... Ну да, об этом я уже писала. Правда, почти

два десятка лет назад казалось, что вопрос, стоило ли ценой бесчисленного числа человеческих жизней спасти город, решен: да, стоило. Но вот недавно модная телеведущая, полемизируя с представителем Русской православной церкви, в ответ на его слова: «Православный человек должен быть готов умереть за свои святыни» с пафосом воскликнула: «Концепция, что святыня может быть важнее жизни, для меня неприемлема. Какой-то каменный истукан важнее человеческой жизни...» Скажу сразу: в телевизионном поединке речь шла не о защите города, в котором барышня, к слову, родилась и который легко покинула ради «ловли счастья и чинов». Покинула и покинула — ее дело. Но ведь петербурженка, хотя и в первом поколении. Как-то неуютно становится на душе, когда слышишь от человека, выросшего в этом городе, не раз подтверждавшем, что ради сохранения святынь его люди готовы идти на смерть, такие пассажи. Прошу только понять меня правильно: речь не идет о петербургском снобизме, о том, что коренные жители этого города что-то лучше понимают, как-то тоньше чувствуют. Вовсе я так не думаю. А чтобы поставить на место тех, кто склонен впасть в подобное заблуждение, скажу только одно: Пушкин не был коренным петербуржцем. Но разве был на свете кто-нибудь, понимавший и чувствовавший Петербург лучше, чем он?

Что же касается защиты святынь... 10 июня 1922 года (а потом еще много дней подряд) по Невскому, к зданию Дворянского собрания, что на Михайловской площади (сейчас там филармония, тогда был зал суда), везли арестованных по так называемому делу митрополита Вениамина — об изъятии церковных ценностей. Я писала об этом достаточно подробно в книге «Утраченный Петербург». Скажу только, что когда под предлогом помощи голодающим новая власть начала грабить церкви, большинство священников с легкостью отдали все, не имеющее особого сакрального смысла. Но когда попытались отнять священные предметы, священники воспротивились. И пошли на смерть. Пример тому — судьба Петра Скипетрова. Когда красногвардейцы через три месяца после Октябрьского переворота ворвались в Александро-Невскую лавру (напомню: это — Невский проспект) и пытались захватить имущество церкви, он закрыл своим

телом вход в собор. Его убили прямо на паперти... Но святыни (тогда) удалось сберечь.

А перед началом суда Невский, Михайловская улица и площадь были заполнены народом: люди хотели еще раз (не дай Бог, последний) увидеть своего пастыря, своего избранника, митрополита Петроградского Вениамина. Когда появилась тюремная машина, сотни верующих опустились на колени и запели: «Спаси, Господи, люди Твоя». Спасти не удалось... Четверо подсудимых были расстреляны, остальные отправлены в тюрьмы и лагеря. Это не было для них неожиданностью. Они знали, на что шли, защищая свои святыни.

И тут же, на Невском, через 20 лет снова спасали святыню. На этот раз — Публичную библиотеку. На Гостиный двор, туда, где пересекаются Невская и Садовая линии, упала зажигательная бомба. Пожар вспыхнул мгновенно. И люди, истощенные, едва стоявшие на ногах (не только пожарные, не только милиционеры, но и случайные прохожие), не дали пламени ни охватить весь Гостиный двор, ни — главное — перекинуться на бесценную библиотеку. Они задыхались, падали, с трудом поднимались и снова пытались справиться с огнем. Каждый делал, что мог, даже если мог совсем немного. Но вместе они победили. Прошли годы, и мало кто из работавших и работающих в Публичке (уже довольно давно называется она Национальной библиотекой, но старое имя не уступает) знает, что библиотеки с 12 января 1942-го могло не быть на земле, а уж имен ее спасителей не знает вообще никто...

У этих людей были разные святыни: у одних — богослужебные предметы, у других — книги, у третьих — дома, храмы, дворцы. И они, каждую минуту рискуя жизнью, дежурили на крышах — тушили «зажигалки» (написала и поняла: не всем слово «зажигалка» будет понятно, выросло уже не одно поколение, для которого смысл его никак не связан с зажигательными бомбами). Для кого-то святыней были деревья Летнего сада. И они сохранили их в замерзающем городе. А ведь если бы срубили эти деревья, помнившие Пушкина, дров хватило бы, чтобы натопить сотни «буржук» и, быть может, спасти многие жизни. Но... святыни. **Что** было святыней для разных людей, по

существо, не так и важно. Важно, что святыни у них были. И это были уж никак не зеленые бумажки с портретом президента чужой далекой страны.

Вот теперь самое время вернуться к петровским временам. Потому что главной святыней город обязан именно своему основателю. Некоторые называют его антихристом, но ведь именно он повелел перенести мощи Святого князя Александра Невского в новую столицу и построить для этого не просто храм, но огромную, непревзойденную по красоте и величию обитель. Именно это его решение чудесным образом повлияло на мироощущение живущих в Петербурге: соседство с великой святыней породило ощущение неразрывной духовной связи с нею, а значит и с городом, ею хранимым. Напомню, с 30 августа 1724 (!) года, с того самого дня, когда мощи были перенесены в церковь, построенную Доменико Трезини по распоряжению императора Петра Алексеевича, мощи святого покровителя города не покидали Невский проспект. Сначала они хранились в Александро-Невском монастыре, в 1797 году наименованном Свято-Троицкой Александро-Невской лаврой, 20 ноября 1922 года были оттуда изъяты и только 3 июня 1989-го возвращены в Свято-Троицкий собор. Но даже во времена гонений на веру их хранили в Музее истории религии и атеизма, который разместили не где-нибудь, а в особо почитаемом верующими Казанском соборе — на Невском проспекте.

Думаю, закладывая Александро-Невский монастырь и Адмиралтейство, Петр тем самым закладывал программу развития города и всей страны. И смысл этой программы был в единении нового (строительство флота, сделавшего Россию мировой державой, — Адмиралтейство) и традиционного (духовное самостояние русских людей — монастырь).

Так что утверждения, будто Петру было ненавистно **все** старое, привычное, что он беспощадно ломал и уничтожал **все**, что было дорого народу, мягко говоря, — преувеличение и оговор. Он ломал и уничтожал только то, в чем видел помеху движению России вперед. Случалось, заблуждался, случалось, ломка была не просто жестокой — свирепой. Но цель-то была наша излюбленная: хотел как лучше... Похоже, я начинаю его оправдывать,

а это занятие пустое — он в оправданиях не нуждается. Тем более тот, кто только и мог с него спросить, уже давно спросил и, скорее всего, — простил. Хотя бы потому, что как никто умеет прощать.

Позволю себе усомниться, что Петр был врагом Христа. И даже в том, что был он врагом церкви. Если понимать под церковью все сообщество верующих. А вот к церкви как к институту, к церковной иерархии он действительно относился с неприязнью: она пыталась если не лишить его власти, то, по крайней мере, разделить ее с ним. А он желал быть единственным владыкой — истинным самодержцем. Поэтому и упразднил патриаршество, обеспечивавшее независимость, хотя бы и не полную, православной церкви от государства, и учредил Священный Синод — некое министерство по делам религии. При этом заявил народу, что делает это для общего блага, что «от соборного правления не опасаться отечеству мятежей и смущения, яковые происходят от единого собственного правителя духовного». И ведь это были не пустые слова: народ еще помнил распри между царем Алексеем Михайловичем, батюшкой императора Петра, и патриархом Никоном. Помнить-то помнил. Другое дело — на чьей стороне он был, народ.

Историки цитируют мнения о царе-реформаторе его подданных, не ученых монахов, не отцов церкви, а простых крестьян. Насколько они достоверны, судить не берусь, но привожу цитаты дословно. «Какой это царь, он антихрист, а не царь, царство свое покинул и знаетца с немцами и живет все в Немецкой слободе, в среду и в пятку ест мясо. Инова антихриста не ждите, тот он антихрист». «Государя царя Петра Алексеевича и государя цареви́ча на Москве нет, изведены, извели бояре да немцы, вместо него царствует антихрист».

Нет сомнения, ему об этом доносили. А он не пытался оправдываться перед народом. Напротив, провозгласив столь близкое сердцу русского человека соборное правление, сам стал единоличным главой церкви своего государства и начал со свойственной ему энергией и горячностью «наводить порядок» в церковных делах, а по существу — регламентировать духовную жизнь подданных. Священников превратил в государственных чиновников, да еще потребовал, чтобы они нарушали тайну

В. А. Серов. Петр Великий. 1907 г.

исповеди — сообщали о готовящихся преступлениях, о которых узнают на исповеди. А преступлениями в первую очередь признавали любые действия против царя и его реформ. Коснулись петровские преобразования и верующего люда. Если раньше ходить в храм, исповедоваться человек мог по велению сердца, то теперь это стало обязанностью, за исполнением которой строго следили: в церкви Петр видел своего рода школу воспитания нравственности, так что пропускать занятия в этой школе было не должно. Таким образом, царь не только подчинял церковь интересам государства, но и привлекал к посещению храмов все новых и новых прихожан.

А вот от монастырей всячески старался народ отвлечь. Монахов иначе как ханжами, святошами, тунеядцами не называл. Обобщение не было справедливым, как и любое обобщенное суждение о людях одной профессии или, скажем, одной национальности. Но доля правды в суждении императора была: большая часть монахов отошла от идеи нестяжательства, проповедовавшего аскетизм, тяжкий труд и бедность. Монастыри превратились в богатейших

владельцев земель и крепостных душ. В одном из указов Петр противопоставлял образ жизни современных ему монахов и их предшественников: «...древние монахи трудолюбивыми своими руками пищу промышляли и общежительно живяше, и многих нищих от своих рук питали, нынешние же монахи не токмо нищих питае от трудов своих, но сами чуждые труды поедаша, а начальные¹ монахи во многия роскоши впадоша». Вывод он делал решительный: обязывал монахов «служити прямым нищим, престарелым и младенцем». Понятно, многие были недовольны. Но так ли уж он был не прав?

И вот при таком отношении к монастырям и монахам государь повелевает строить в только что основанном городе, в городе, которому предстояло воплотить его мечту, не просто храм — монастырь. Вот вам и царь-антихрист... Как это совместить, как понять? Может быть, так проявился характер Петра, неуравновешенный, склонный к парадоксальным поступкам? Но ведь может быть и другое. Он понимал: городу на Руси без обители не стоять, монастырь нужен народу как духовная опора. Да и надеялся, очевидно, что уж в его-то городе монахи не будут сибаритствовать — будут служить людям, вот хотя бы солдатам-инвалидам, которых войны все прибавляли и прибавляли... Надежду эту Свято-Троицкий Александро-Невский монастырь, надо сказать, во многом оправдал. Только вот его основатель до этого не дожил...

Но к монастырю и его истории я вернусь после того, как расскажу об Адмиралтействе, все-таки именно оно — начало пути и исток Невского проспекта. Может быть, даже его первопричина. Обитель же — конец, вернее — цель пути. Да и строить Адмиралтейство начали раньше.

Что строить необходимо, было ясно сразу, как только овладели невскими берегами: чтобы закрепиться на море, России нужен флот, а строили корабли на Олонецкой верфи и в Лодейном Поле. От моря далеко, перегонять суда через бурную Ладогу и крутые Ивановские пороги ой как непросто. До Невы добирались не все, а многие суда после ладожских штормов приходилось сразу

¹ Начальные — начальствующие.

Неизвестный художник. Закладка крепости Санкт-Петербург

ставить на ремонт. Верфь нужна была вблизи моря. И нужна была как можно скорее. Петр I спешил и все-таки целую неделю потратил на поиски места — объехал в шлюпке все бухты, все заливы в пределах будущего города. И наконец выбрал: на левом берегу Невы, наискосок от Заячьего острова, напротив Васильевского. Нева здесь широка — спускать на воду суда со стапелей сподручно. К тому же издавна стояла там деревушка Гавгуево, а люди ведь на топком болоте жить не станут: выберут место посуше, понадежнее. Так что «приют убогого чухонца» помог царю сориентироваться.

Адмиралтейство — первая постройка на левом берегу Невы. Поначалу Петр предполагал, что оно будет только верфью. Но в 1704 и 1705 годах шведские войска часто угрожали молодому Санкт-Петербургу и с суши, и с моря. Вот и было решено строить не просто верфь, но верфь-крепость. Если бы шведы решили напасть с суши, их встретил бы (как и положено по правилам фортификации) огромный, простиравшийся до самой реки Мьи (Мойки) гласис — абсолютно свободное не